

«В СЕРДЦЕ МОЕМ БЫЛА РУСЬ»

К 175-летию со дня рождения Н. В. ГОГОЛЯ

Живительный родник реализма

Всякий раз, открывая книгу Н. В. Гоголя, невольно испытываю удивительное чувство. Словно принадлежешь к звонкому, радостному, неиссякаемому, живительному роднику.

Гоголь — это крайний пример полнокровного народного писателя. Вся его жизнь и творчество освещены любовью к Родине, проникнуты заботой улучшить жизнь русского народа, искоренить пороки, помочь Руси реализовать потен-

циальные возможности, проныкнуться мыслями о ее будущем, о ее счастье. «В сердце моем была Русь», — говорил он с глубочайшей искренностью.

Как и всякий гениальный писатель, он рисовал жизнь такой, какой она была, но, оттого, что каждое произведение, каждая строка пронизаны сознанием высокой цели, мы, кроме отраженной жизни, видим и ту, какой она должна

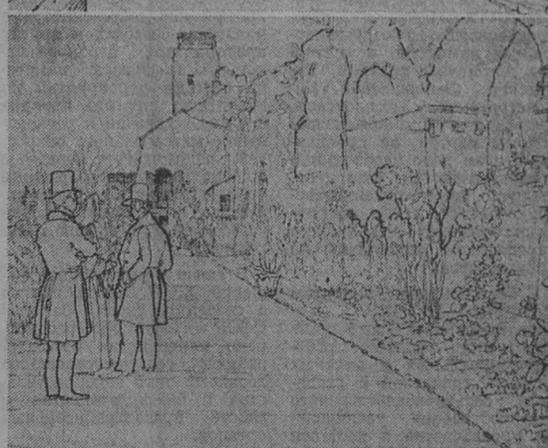
быть. Поэтому-то мы вправе называть Гоголя поэтом, считать его великим художником — первооткрывателем нового метода выражения общечеловеческих идеалов.

Опираясь в первую очередь на художественные открытия Н. В. Гоголя, обосновал и развивал теорию народности реалистического метода В. Г. Белинский.

Яркий, жизнеутверждающий талант Н. В. Гоголя стал для русской литературы светом, озарившим путь к высокой цели — служению Родине.

А. ЧЕПУРОВ,
лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького, первый секретарь правления Ленинградского писательского объединения

Римские рисунки

И не только имя, но и портреты писателя.

В конце 1838 года В. А. Жуковский приехал в Рим, где в то время жил Н. В. Гоголь. До момента отъезда Жуковского весной 1839 года они были вместе. Гуляя по городу, бродили по окрестностям. «Все осмотры вместе с Гоголем», — писал Жуковский в своем дневнике. В рукописном фонде Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Шедрина хранятся архив В. А. Жуковского. Наряду с письмами, дневниками в нем находятся альбомы и многочисленные листы с рисунками, сделанными зимой и весной 1839 года. И вот на некоторых из этих прекрасно сохранившихся листов есть изображение великого писателя. От рисунков, несмотря на какую-то их незавершенность, веет свежестью весеннего римского воздуха, просыпающейся природы и молодостью самого Гоголя. В ту весну ему исполнилось тридцать лет. Мы видим Гоголя то стоящего в плаще и шляпе на какой-то террасе, то сидящего, положив ногу на парапет, то идущего мимо античных развалин. Порой Жуковский изображает Гоголя за рисованием достопримечательностей или беседующего с путниками.

Эти карандашные наброски не раз держал в руках и сам Гоголь.

В эти дни в залах Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Шедрина развернута выставка, посвященная 175-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. В обширной и разнообразной экспозиции представлены и эти небольшие листы, на которых рукой Жуковского запечатлен образ великого писателя.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Рисунки, сделанные В. А. Жуковским (публикуются впервые).

МОЛОДОЙ художник Чарков, не имеющий средств уплатить за квартиру и заказать скромный обед, неожиданно обнаруживает в раме купленного им старого портрета тысячу червонных; у майора Ковалева пропал нос и, сделавшись важной особой, разезжает в карете по городу; титулярный советник Поприщин слышит, как две собачки «из хороших домов» разговаривают совсем по-человечьи. И происходит все это не в какой-нибудь сказочной стране, а в столице Российской империи Санкт-Петербурге, где самодержавно правит император, а тысячи его жандармов и полицейских неусыпно блюдают благочиние обывателей. Художник Чарков купил старый портрет в картинной лавочке на Шуккином (Апраксином) дворе и пригласил его в холодную квартиру на 15-й линии Васильевского острова; майор Ковалев проживает на Садовой, а свой обжеванный нос встречает в Казанском соборе; дамы — хозяйки необыкновенных собачек, за которыми следует титулярный советник Поприщин, «перешли в Гороховую, поворотили в Мещанскую, оттуда в Столярную, наконец, к Кокушкину мосту...».

«Петербургских повестей» и начал ее словами: «Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блистает эта улица-красавица нашей столицы!». С покоряющим и, кажется, искренним восторгом живописует художник эту истинно прекрасную улицу с ее неповторимыми архитектурными ансамблями, шумной многолюдной толпой, достойную внимания во всякое время дня. Но... это — фасад. А что за ним? «О, не верьте этому Невскому проспекту... Все обман, все мечта, все не то, чем кажется... Он лжет во всякое время, этот Невский проспект». Обманутый

лицей Гоголь матери. — Это все заставляет меня жить, как в пустыне; я принужден отказываться от лучшего своего удовольствия — видеть театр...». Следующие адреса примерно в том же районе — мелочное-хлопотливое днем и безмолвно-сумрачное по вечерам, где в многотажных доходных домах уютится всевозможный мелкий петербургский люд. Дом аптекаря Трута на Екатерининском канале, между Кокушкиным и Вознесенским мостами (ныне участок дома № 74 по каналу Грибоедова). Дом каретного мастера Иохима на Большой Мещанской против Столярного переулка (ныне улица Плеханова, 39). Позже — огром-

битых и жалких, столкнулся с бездушием, жестокостью помыкавших ими «значительных лиц».

Прожить жизнь канцеляристом? С этим Гоголь смирился не мог. Он регулярно посещал классы Академии художеств — мир скромных служителей искусства знал не понаслышке. Но чувствовал, что подлинное его призвание — литература. Его первые повести из украинской народной жизни, украинского фольклора, появившись в журнале «Отечественные записки» и в альманахе «Северные цветы», обратили на себя внимание многих. Гоголь познакомился с Жуковским, Дельвигом, Плет-

а то был задумчив и грустен. Его поражало умение Гоголя «угадывать человека и несколько чертами выставлять его вдруг всего, как живого», и он не устал повторять: «Пишите, пишите». Пушкин, радовавшийся появлению каждого молодого таланта, подсажал Гоголю сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ», привлекал его к участию в своем журнале «Современник». В. Г. Белинский писал: «Главное влияние Пушкина на Гоголя заключалось в той народности, которая, по словам самого Гоголя, «состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа». Гоголем же еще при жизни поэта были сказаны удивительные слова: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

Покнувшись в 1836 году, после постановки в Александринском театре «Ревизора» и вызванной ею общественной бури, Гоголь еще не раз возвращался к Петербургу в творчестве. Галерея петербургских типов, петербургский быт и нравы предстали в «Женитьбе». Нищий бездомный капитан Копейкин, вивальдий войны 1812 года, приехавший в столицу хлопотать о пенсии и встретивший полное равнодушие вельможного «начальника комиссии», — здесь острота социального конфликта такова, что «Повесть о капитане Копейкине» была запрещена цензурой. В последней из «Петербургских повестей» — «Шиньели» судьба мелкого петербургского чиновника Акакия Акакиевича Башмакина показана с такой горечью и болью, с такой силой художественного обобщения, что эта, казалось бы, жалкая, смешная фигура «маленького человека» вырастает в тягчайшее обвинение всего крепостническо-бюрократического строя, где нищета, унижение, бесправие — участь миллионов.

Осенью 1831 года вышла из печати первая книга. Она принесла писателю широкое признание. Пушкин восторженно писал: «Сейчас прочел «Вечера на хуторе близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность!». Пушкин подчеркивал истинную народность повестей Гоголя, их фольклорную основу.

С лета 1831 года и до лета 1836 года не прерывалась самая тесная дружеская связь Пушкина и Гоголя. Они встречались у Жуковского, у Дельвига, у Плетнева. Гоголь навещал Пушкина в его квартире на Большой Морской, Пантелеймоновской, Французской набережной, в Царском Селе. И Пушкин не раз заходил к Гоголю, когда тот в 1833 году поселился на своей последней петербургской квартире в доме придворного музыканта Лепена на Малой Морской (ныне дом № 17 по улице Гоголя). Квартирка была маленькая, на верхнем этаже. К ней вела темная крутая лестница со двора. Пушкин с величайшим интересом слушал, как Гоголь читал ему новые свои произведения, иногда от души хохотал,

«Вот уже скоро двадцать лет с тех пор, как я, едва вступивший в свет юшоша, пришел первый раз к тебе, уже совершившему подорожи на этом поприще... Ты подал мне руку и так исполнил желанное помочь будущему сподвижнику! Как был благодарно-любовен твой взор!.. Что нас светом, неравными годами? Искусство», — это строки из письма Николая Василь-

евича Гоголя своему старшему другу поэту Василию Андреевичу Жуковскому. Да, многие годы подлинно большой дружбы связывали этих замечательных людей. Именно ему, Жуковскому, поверял автор «Мертвых душ» свои сокровенные мысли, делился с ним творческими планами, обращался к нему за советом. А в дневниках Жуковского то и дело встречается имя Гоголя.

Страницей Гоголя ложится Невский...

в самых светлых, чистых верованиях, надеждах, мечтах, кончат с собой молодой талантливый художник Пискарев — «тихий, робкий, скромный, детский простодушный» романтик-мечтатель. Таким нет места в мире прекрасной, доброй, видности и уродливой, жестокой сути. «Боже, что за жизнь наша! вечный раздор мечты с действительностью».

Этот крик вырвался из души самого Гоголя. Гоголь стремился в Петербург, видя в нем центр духовной жизни России, где только и можно «быть истинно полезным для человечества». Но вскоре же по приезде в столицу, в декабре 1828 года, он писал матери: «Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал...»

Суровая действительность быстро и беспощадно одну за другой уничтожила все названные иллюзии. О «веселой комнате с окнами на Неву», как мечталось, следовало забыть — она была не по карману. Пришлось поселиться в демократической Гороховой, близ Семеновского моста, в доходном доме купца 3-й гильдии Галыбина № 130 (ныне дом 42 по улице Дзержинского), и эта квартира из двух небольших комнат обходилась в «80 рублей в месяц, за одни стены, дрова и воду». («Счастливые припасы тоже не дешевы...» —

нью дом купца Зверкова на Екатерининском канале, угол тот же Столярного переулка (ныне канал Грибоедова, 69/18); о нем читаем в «Записках сумасшедшего»: «Эка машина! Какого в нем народа не живет — сколько кухарок, сколько поляков! а нашей братии чиновников как собак, один на другом сидит». Вот откуда у Гоголя то удивительное знание, до мельчайших подробностей, жизни «маленького человека», которое поражало читателей его повестей. Недостатка в предметах наблюдений у него не было.

Глубоко постиг юный провинциал душливую атмосферу шарнирную в столице николаевской России. «Тишина в нем необыкновенная, никакой дух не блистает в народе...» — писал он, — все подавлено, все погрязло в бездельных ничтожных трудах...».

Разочарования, лишения, нужду — все познал Гоголь в первые годы петербургской жизни. Не удалось задуманных литературных опытов, неудачей окончилась попытка стать актером. Наконец, он поступил канцеляристом в департамент государственного хозяйства и публичных зданий на набережной Мойки у Синего моста, потом в департамент уделов на Миллионной. Здесь он познал безрадостное существование канцеляристов, за-

невным, а вскоре и с Пушкиным. С этого времени судьба его резко меняется.

Осенью 1831 года вышла из печати первая книга. Она принесла писателю широкое признание. Пушкин восторженно писал: «Сейчас прочел «Вечера на хуторе близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность!». Пушкин подчеркивал истинную народность повестей Гоголя, их фольклорную основу.

С лета 1831 года и до лета 1836 года не прерывалась самая тесная дружеская связь Пушкина и Гоголя. Они встречались у Жуковского, у Дельвига, у Плетнева. Гоголь навещал Пушкина в его квартире на Большой Морской, Пантелеймоновской, Французской набережной, в Царском Селе. И Пушкин не раз заходил к Гоголю, когда тот в 1833 году поселился на своей последней петербургской квартире в доме придворного музыканта Лепена на Малой Морской (ныне дом № 17 по улице Гоголя). Квартирка была маленькая, на верхнем этаже. К ней вела темная крутая лестница со двора. Пушкин с величайшим интересом слушал, как Гоголь читал ему новые свои произведения, иногда от души хохотал,

Слово—действие

Профессия режиссера по справедливости считается одной из самых трудных. И это верно. Но и в этой профессии много того, что приносит удовольствие. Удавшийся спектакль... Удачный выбор актера... Затянувшийся зал... Смеющийся зал... Плачущий зал...

Но СЧАСТЬЕ нашей профессии — в соприкосновении с великой литературой. Это ни с чем не сравнимое счастье, когда ты уже не просто читатель, а как бы соавтор... Это не мания величия, это высокое чувство сопричастности к великому. Нечто подобное, вероятно, испытывают литературоведы, которые открывают для себя новый мир — мир Пушкина, Толстого, Достоевского. И думают, надеются, что познают его... Не забываются о результатах. Так и мы, режиссеры, начинаем репетировать великую пьесу, и она становится для нас источником ни с чем не сравнимой радости творчества. Уверен, что репетиции — это самый благодарный путь исследования, ведь все надо пропустить через живую душу артиста, через его тело... «Мертвые души», поставленные Станиславским полвека назад, потрясли зрителей именно проникновением в мир Гоголя. И Станиславский, и артисты МХАТа могли воскликнуть: «Мой Гоголь!».

Когда человек, откинувшись в удобном кресле у торшера, читает Гоголя и смеется до слез, так, что близкие начинают волноваться за его нормальность, это все же остается его личным делом, он пребывает наедине с гениальной литературой. Но когда режиссер берется за постановку произведения самого таинственного гения, он составил от того, что сможет передать свое ощущение Гоголя, свой смех и свои слезы и «смех сквозь слезы» тысячам зрителей и МОП Гоголь станет НАШИМ.

У любого из нас есть ощущение, что Гоголь был всегда. Поэтому так не вяжется с его произведениями его человеческая биография-драма. Поэтому его творчество фанта-

торского взгляда на явления жизни, той природы действия, о которой говорил Станиславский.

В этой связи мне всегда казалось странным, почему знаменитое определение «фантастический реализм» относят ко всему творчеству Гоголя, кроме... «Ревизора». А между тем в «Ревизоре» движущей пружиной всего действия является наваждение, рожденное страхом, оно и заставляет неглубокого горючонку принять фитолюку, мальчишку за грозного ревизора. Эта «пружина» делает возможной попытку проникнуть в фантастическую природу пьесы, создать ту атмосферу, в которой и происходят необъяснимые с точки зрения обычной логики явления.

«Это фантастическое лицо, которое, как лживый одиозный обман, унеслось вместе с тройкой бог знает куда...» — сказал сам Гоголь о Хлестакове. В сочетании реальности с фантастической и заключено художественное величие «Ревизора». Отсюда инфернальный фантом как символ самодержавной машины, отсюда и коляска, в которых едут осматривать город или исчезают в преисподнюю, коляска, в которой в течение всего спектакля едет настоящий ревизор.

Коляска как образ России с ее бесконечными дорогами — эта тема трансформируется у Гоголя в каждом произведении. И знаменитая Птицатройка, и чичиковская бричка, и коляска с таинственным царским чиновником — все это складается в особый, неповторимый символ. Коляска как таковой нет в «Ревизоре», но ее появление здесь имеет предельно закономерный, сближающий «Ревизора» с другими произведениями писателя. Только на пути в глубь гениальной пьесы можно с полным правом воскликнуть: «Мой Гоголь!».

Г. ТОВСТОНОВ,
Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, народный артист СССР

Каждая встреча — открытие

Перелистывая страницы «Женитьбы», вышедшей в Ленинградском отделении издательства «Искусство», словно заново открываешь для себя мир гоголевских героев, знаемый каждому еще со школьной скамьи. Происходит это во многом благодаря оформлению книги — необычному, броскому, щедрому на выдумку. Его автор М. Майоров вот уже многие годы успешно работает в книжной графике. На международной выставке, проходившей в прошлом году в Лейпциге, его иллюстрации и романы «Госпожа Бовари» и «Воспитание чувств» Г. Флора, «Приключения Барона Мюнхгаузена» Г. Бюргера отмечены серебряной медалью и дипломом.

Наш корреспондент С. Моторова побывала в мастерской художника и попросила его ответить на несколько вопросов.

— «Женитьба», без сомнения, одна из наиболее удачных ваших работ. А когда, если не секрет, вы как художник открыли для себя творчество Н. Гоголя?

— Произведения великого русского писателя знаю и люблю с детства, но каждый раз, перечитывая их, открываю для себя что-то новое. Как иллюстратор встречаюсь с Гоголем впервые. Работа над «Женитьбой», занимая почти четыре года, принесла мне истинное удовольствие. Ведь оформляя я как бы своеобразный спектакль, действие которого происходит

не на сцене, а в воображении читателя. Постигая образы пьесы, давая им новую жизнь, еще раз ощутил всю глубину и многогранность могучего таланта Гоголя-сатирика.

— Что было главным для вас в этой работе?
— Прежде всего стремился, чтобы персонажи «Женитьбы» получились по-настоящему смешными, в чем-то, может быть, даже фантастическими. Ведь именно в уникальном сочетании приемов реализма и фантастики, позволяющих наиболее точно психоло-

гически «выстроить» ту или иную ситуацию, — своеобразное обличительное искусство Гоголя. Художественные характеристики героям «Женитьбы» стремился дать не совсем обычные, а окружающую их обстановку воспроизвести в соответствии со вкусами той среды, к которой они принадлежали. Так появились и этот немаленький в своей неслепоте подвечный наряд Агафьи Тихоновны, и японский халат с драконами у Подколесина, и все это «пышное» оформление в стиле позднего, угасающего «ампир», вот-вот готового превратиться в эклектику, — виньетки, карточки, гирлянды, купидоны со стрелами...
— Многие художники, в том числе и ленинградские, обращаются к творчеству Н. Гоголя. Чем иллюстрация, на ваш взгляд, наиболее точно передает дух, атмосферу его произведений?
— «Петербургские повести». Меня давно волнует и чисто по-человечески трогает судьба их героев — честных, добрых,

графиков В. Горяева. Но лично мне ближе (подчеркиваю — это мне только от моего восприятия Гоголя) и понятие иллюстрация, созданные ленинградским графиком В. Власовым.
— Если бы вам представилась возможность оформить что-то одно произведение Гоголя, что бы выбрали?
— «Петербургские повести». Меня давно волнует и чисто по-человечески трогает судьба их героев — честных, добрых,

но несчастных людей. Здесь перед нами предстает другой Гоголь — великий трагик и защитник угнетенных, обездоленных. Есть даже первые наброски образов, эскизы. Интонация стараясь выбрать другую, отличную от «Женитьбы». Ну а еще одно заветное желание — оформить «Ревизора». Кто из художников не мечтает об этом...
На снимках: иллюстрация М. Майорова к «Женитьбе» Н. Гоголя.